

Пролог

Они там.

За стеной. Ругаются, как и всегда. Она кричит что-то о том, какой он плохой и как она его ненавидит. Он с насмешкой отвечает, что она всегда думает только о себе.

Каждый раз они ругаются где-то поблизости. Как будто специально, чтобы задеть и меня тоже. Облить бензином своего гнева, поджечь спичкой ярости и закопать в могиле обиды. Им важно, чтобы я была частью этого.

Они всегда знают, где я. В гостиной или в туалете — они будут рядом.

Поэтому я просто ухожу. Ухожу, если она не хватает меня на пороге или если он слезно не просит остаться. Я ухожу, даже несмотря на то что идти мне некуда.

Она кидается на него тогда, когда градус напряжения между ними возрастает. Бьет его, если он говорит ей резкую правду. А еще она колотит его всякий раз, когда он напивается. И мне иногда его жалко. А иногда я его ненавижу.

Он никогда не жалеет ее. Если есть в этом мире список самых ужасных слов, то это его слова, сказанные ей.

ЛАДУНКА К.

Он всегда говорит ей все что думает и считает, что имеет на это право.

Еще какое-то время они кричат, но потом успокаиваются. Они всегда успокаиваются спустя примерно час ругани. Я накидываю куртку и беру заранее собранный рюкзак, выхожу из комнаты, оглядываясь по сторонам. В доме — тишина, но в ушах еще звенят их голоса.

Спускаясь по лестнице, я постоянно оглядываюсь — боюсь, что наткнусь на кого-то из них и скандал начнется снова. Но все заканчивается хорошо, я оказываюсь в коридоре, а затем и во дворе.

Я смотрю на наш дом за огромным забором — он такой большой. Красивый. Вызывающий тошноту.

На улице ветер, и я наконец-то стираю слезы с глаз и щек. Мне предстоит долгий путь.

1

— Алиса! Алиса, открой, это Белинда!

Я кричу и барабаню в дверь трейлера. Вокруг — сплошная тьма, и в смертельной тишине слышны только далекие звуки залива. Нет даже проезжающих по мосту машин, чтобы хоть как-то разбавить весь этот ужас. Мне не открывают.

— Черт! — выплевываю я и еще раз со всей силы бью кулаком в дверь. Отчаяние подбирается к глотке, когда я слышу звук открывающегося затвора.

— Алиса! — с облегчением выдыхаю я. Она смотрит на меня заспанными темными глазами и пытается понять, что происходит.

— Ох, Белинда...

— Прости. — Мои глаза заполняются слезами. — Пожалуйста, можно мне войти?

Горько улыбнувшись, Алиса пропускает меня внутрь. Я ловко смахиваю слезы до того, как они скатываются по щекам. Алиса отходит и включает свет; на кровати я вижу лежащего Скотта. Он явно недоволен тем, что его разбудили, а еще тем, что это была я.

Я скидываю с плеч джинсовку, а Алиса смотрит и, кажется, не знает, что со мной делать.

ЛАДУНКА К.

— Детка, что с тобой? — спрашивает она своим низким голосом. — Опять родители?

Я киваю. Отмахиваюсь: не хочу думать об этом.

— Ты же плачешь, — говорит она и тянется ко мне своими большими темнокожими руками. Обнимает и пытается сочувствовать.

От нее резко пахнет ацетоном, но для меня это уже привычно. Я заливаюсь ревом прямо у Алисы на груди, даже не отходя от двери. Мне не нравится так напрягать ее, но сейчас я просто не могу ничего с собой сделать. Она гладит меня по голове, и я чувствую, что кому-то нужна.

Так проходит какое-то время, пока мне не становится лучше. Алиса сажает меня за стол и делает чай. Я понимаю: все это формальности, чтобы обстановка не была гнетущей. Мне неловко, а сейчас будет еще хуже, потому что я подбираюсь к самому отвратительному моменту.

— Говори уже, зачем пришла, — агрессивно торопит меня Скотт.

— Алиса... — мямлю, — я хотела взять как обычно...

— Мы больше не продаем в розницу, сколько можно тебе говорить! — повышает голос Скотт.

Алиса смотрит на него с упреком, а затем отвечает мне:

— Не слушай его, для тебя всегда найдется.

Я благодарно киваю, а Скотт злобно смотрит на меня. Я неловко сижу за столом и всякий раз пытаюсь спрятать от него взгляд. Он знает, сейчас на меня очень легко надавить. Алиса долго копошится в кухонных ящиках, а потом кладет передо мной маленький зиплок с белым порошком внутри.

— Платить чем будешь? — выплевывает Скотт.

— У меня есть деньги.

ТРИ СЕКУНДЫ ДО

— У тебя всегда есть деньги, но так ведь не интересно.

— Скотт, — обращается к нему Алиса, — меньше агрессии, больше терпимости. Белинда — наша подруга.

Он вздыхает — сдерживается. Старается быть лучше. Ради нее. Хоть и терпеть меня не может.

— Алиса, не хочешь... со мной? И ты, Скотт.

— Не откажусь, — улыбается она.

— За твои бабки хоть на край земли, — поддакивает он.

Эти двое заметно веселеют. Я тоже, потому что теперь у меня есть место, где провести эту ночь.

Я вскрываю содержимое зиплока, отдаю часть ребятам. Проходят мучительные три секунды до того, как я погружаюсь во тьму. Она медленно обволакивает меня, утягивая глубоко на дно. Все мирское отпускает, все проблемы, вся моя личность отходит куда-то в небытие. Остается только *она*. То, ради чего я шла сюда десять километров пешком среди ночи.

Алиса и Скотт, кажется, на кровати, бормочут что-то — или мне послышалось. Я медленно поднимаюсь в попытках справиться с дрожащим телом и ложусь к ним. Они целуются, но меня это не волнует.

Нас кроет где-то час. Я разглядываю свои руки, взведенные к потолку, пытаюсь ухватиться за узоры, появляющиеся на нем. Немного позже меня прорывает на разговоры.

Я болтаю, Алиса поддерживает. Спустя время я касаюсь темы, что должна была остаться внутри меня навсегда.

— Вчера мне исполнилось восемнадцать, — говорю.

— Правда? — удивляется Алиса. — Поздравляю.

— Спасибо. И мои родители решили, что развод — лучший подарок, что они могут подарить мне на день рождения.

Наступает тишина, сквозь которую прорывается Скотт:

— Слушай, мы твои дилеры, а не психотерапевты. Давай без этого.

И правда. Трейлер снова окутывает тишина. Я продолжаю разговаривать уже в своих мыслях.

Да, они разведутся сразу после того, как мы отметим мои восемнадцать. И нет ничего более логичного: я становлюсь совершеннолетней, и они могут больше не мучать друг друга.

Куда себя деть, я не знаю: остаться с кем-то из них после — значит сделать выбор, а мне омерзительна лишь одна мысль об этом. Я еще не придумала, что мне делать. Одно хорошо: из-за отличного климата в Калифорнии легко выжить на улице.

Я встаю, чтобы вдохнуть еще одну дорожку. Алиса поднимается вслед за мной и хватается сзади, еще до того, как я успеваю добраться до стола. Она обнимает меня, трется щекой о спину. Она всегда лезет обниматься, когда нетрезвая. Я позволяю ей делать все, что она хочет; Алиса разворачивает нас к зеркалу и смотрит на отражение из-за моего плеча.

Мы с ней очень контрастные — самые настоящие инь и ян. Ее темная кожа и моя светлая, но покрытая калифорнийским загаром. Ее длинные, ухоженные черные косы и мои белые, короткие, выцветшие на палящем солнце волосы. Ее карие и мои голубые глаза. Алиса очень красивая, хотя сама она так не считает. Я тоже не считаю себя красивой, но Алиса говорит: «Ты так прекрасна», — и гладит мою руку. А потом добавляет: «Хотела бы я быть тобой».

Мне неловко и почему-то больно от ее слов. Мир идет вперед, пытаюсь доказать всем и каждому, как они краси-

ТРИ СЕКУНДЫ ДО

вы, но Алиса все равно считает меня лучше себя. Наблюдая, как она гладит меня по рукам, я искренне говорю:

— Ты тоже очень красивая, правда.

Она ухмыляется. Я выпутываюсь из ее хватки и добираюсь до стола, а потом все как в тумане — и так проходит вся ночь. Алиса и Скотт засыпают, когда рассветает. Я же собираю свои вещи и выхожу на улицу. Тут свежо, а под ногами, на сухой жженой траве, чувствуется только выпавшая роса. Я стою под мостом Бэй-бридж, соединяющим родной Окленд с Сан-Франциско. Залив покрывает сумрак. Огни города на противоположной стороне уже погасли, синева воды и неба сливаются, делая воздух будто бы плотным, цветным. Считанные минуты, и на горизонте показывается солнце — разрезает синь своими желтыми лучами. Я смотрю на залив до тех пор, пока солнце окончательно не встает и не освещает все пространство, а затем вставляю наушники в уши и ухожу.

— Где ты шлялась всю ночь?! — кричит мать, как только я ступаю на порог на дома.

— Не твое дело, — отвечаю.

— Какая же ты дрянь, — говорит она, — вся в своего отца, шляешься по ночам и бухаешь.

«О, мамочка, — думаю я — ты даже не представляешь, чем я занималась этой ночью».

— Ладно, — говорю.

Мать не успокаивается:

— Я посмотрю, как ты запоешь, когда отец перестанет давать тебе деньги.

Я стягиваю с себя конверсы, улыбаюсь. Говорю ей:

— Он не перестанет.

— Прекрати лыбиться, мерзавка, — шипит мать.

Я прохожу мимо нее в гостиную, оборачиваюсь вокруг себя, вскидываю вверх руки и с улыбкой на лице показываю ей средние пальцы. Смеюсь в лицо, зная, как она ненавидит это, как она бесится. Я не хочу злить ее еще сильнее и нарываться, но по-другому не получается.

Как только я отворачиваюсь, улыбка пропадает, но она этого уже не видит.

— Посмотри на себя, на кого ты похожа? — с пренебрежением спрашивает она. — Глаза красные, рожа опухшая, ты вся грязная! Тебе восемнадцать лет, а ты выглядишь как прожженная шлюха!

Я не отвечаю, убегаю от нее на лестницу, чтобы быстрее закрыться в комнате. Но она догоняет:

— Вот увидишь, когда отец уйдет, тебе ничего не оставит.

— Когда он уйдет, мама, я тоже уйду, — отвечаю с угрозой.

— Да? — насмехается она. — И куда же ты пойдешь? И что будешь делать? Ты ничего не умеешь и никуда отсюда не денешься!

Быстрым шагом я направляюсь к двери в свою комнату, но мать настегает меня и хватает за воротник куртки, залезая рукой в карман. Я запоздало понимаю, что происходит: мать вытаскивает оттуда телефон и банковскую карту. Единственные вещи в мире, что позволяют мне держаться на плаву.

— Отдай! — громко кричу я, разворачиваясь и без раздумий кидаюсь вперед. Я цепляюсь за мамину кофту, пытаюсь дотянуться до телефона, но она перехватывает мою руку и больно выворачивает.

— Это будет тебе уроком! — кричит она.

— Перестань, мне больно! — отвечаю, на что она отпускает меня и толкает.

ТРИ СЕКУНДЫ ДО

Я спотыкаюсь и чуть не падаю, но удерживаюсь. Мама открывает дверь находящегося рядом туалета, в проеме которого у нас происходит еще одна стычка. Я не знаю, что она хочет сделать, и у меня не получается ее остановить — удастся только выбить телефон из ее рук. Он падает на кафель и разбивается.

Сразу после мама кидает мою кредитку в туалет. Я вижу, как она падает в воду и идет на дно. Ни секунды не сомневаясь, я припадаю к унитазу и запускаю туда руку, но мать оказывается быстрее: она нажимает на слив, и кредитка пропадает в канализации.

— Мама, б... блин! — не сдерживаюсь я.

— Не смей материться при мне, — наказывает она, — со всем остальным твоим барахлом будет так же, если еще хоть раз пропадешь на ночь. — И выходит.

Я остаюсь одна, сидящая перед туалетом на коленях; правая рука по локоть мокрая. Стекланный телефон, встретившийся с кафелем, просто вдребезги. Паутинка трещин идет по всему корпусу. Я беру его и проверяю: работает. Отправляю отцу сообщение:

МАМА разбила мой телефон!!!

И смыла кредитку в туалет

Добавляю, не надеясь на ответ.

Когда ты будешь дома?

Нажимаю на блокировку и отправляюсь в свою комнату.

Отец приходит на следующий день, матери нет. Он копошится на кухне, когда я осторожно спускаюсь на первый этаж.

— Тебе помочь? — спрашиваю.

ЛАДУНКА К.

— Бельчонок, — он вздрагивает, — ты меня напугала.

— Прости.

— Не надо помогать, я справлюсь. Думал, тебя нет дома.

— Ты не видел мои сообщения?

— Что? Сообщения? Прости, нет. Сейчас посмотрю.

Он протирает руки полотенцем и отходит в коридор, где из кармана куртки достает мобильник. Возвращается, листает на экране пропущенные, спустя время натывается и на мои.

— Что?! Она сошла с ума? Какого черта она это сделала?!

— Не знаю. Она не хочет, чтобы ты давал мне деньги. А еще сказала, что когда вы разведетесь, ты заберешь все, что мне подарил.

Отец потирает переносицу. Вздыхает. Он такой высокий, что я задираю голову, чтобы смотреть ему в лицо. Он выше меня на полторы головы, ростом я пошла в мать.

— Ты ведь не слушаешь ее, правда? Бельчонок, может быть, я и не идеальный отец, но все, что я делал в своей жизни, было ради твоего благополучия. Иначе это просто не имело бы смысла.

— Я знаю, пап, — подхожу к нему и обнимаю, — спасибо.

— Не за что. Ты только не переживай. Карту восстановим. Телефон новый купим.

— Спасибо, пап, — радостно протягиваю я.

По правде говоря, я поступаю плохо. Не стоит говорить ему такое, чтобы не усугублять ситуацию между нами. Но мне так мерзко после маминых слов, что я просто не могу не убедиться, что сказанное ею — неправда.

— Пап, мы отмечаем мой день рождения уже на этих выходных, ты помнишь? — говорю я.

ТРИ СЕКУНДЫ ДО

— Конечно, помню.

— Ты обещал, что снимешь бар на ночь и пригласишь всех на вечеринку.

Отец замолкает, но тут же отвечает:

— Разумеется, Бельчонок. Я уже это сделал.

— Отлично! А еще ты обещал, что «Нитл Граспер» выступят, — игриво говорю я, уверенная в том, что на самом деле он обо всем забыл.

— Не могу это обещать. Все члены группы разъехались в отпуска, один Том в городе.

— А разве нужен кто-то кроме него?

Отец усмехается. Я продолжаю:

— Ну правда. Он ведь солист. Сыграй с ним сам. Пап! Это же супер идея, давай. Ты же умеешь. Я хочу, чтобы ты сыграл у меня на дне рождения. Па-а-ап?

Отец смеется. Я вижу, как загорелись его глаза, как ему понравилось мое предложение.

— В конце концов, ты можешь приказать Тому сыграть, и он никуда не денется.

Папа смеется еще сильнее, параллельно делая себе бутерброды и кофе.

— Я его продюсер, а не хозяин.

— Да ну, — смеюсь я, — ладно, шучу. Просто хочу, чтобы вы сыграли.

— Я постараюсь.

— Тогда исполните мои любимые песни, — говорю я и ухожу с кухни, оставляя его теряться в догадках и пытаться вспомнить, какие именно.

Мне исполнилось восемнадцать, и раз уж жизнь повернулась ко мне задницей, то я хотя бы отпраздную это как следует.

В баре сейчас всего несколько человек: до праздника остается два часа, и все мы приехали сюда заранее.

Папа на сцене — повторяет мелодию вслед за Томом. Кажется, они не слишком долго репетировали перед этим, так что много лажают и никак не могут сыграть. Вместе с ними стоят еще несколько музыкантов, но никого из них я не знаю. Наверное, какие-то их знакомые.

Я зашла сюда всего пару минут назад, застав такую занимательную картину. Папа с гитарой на сцене выглядит бесподобно. Том со своим антуражем рок-звезды вынуждает на секундочку в него влюбиться. У меня щемит в груди от счастья, что искрится вокруг них. Я так рада вновь наблюдать, как они играют, что готова расплакаться. Нет ничего лучше, чем видеть отцовскую улыбку.

Вдруг Том замечает меня — и сразу говорит отцу. Тот разворачивается и улыбается еще сильнее. Меня тут же рвет на маленькие счастливые кусочки, я срываюсь с места и выбегаю к ним на сцену.

— Па-а-ап, — протягиваю я и обнимаю его со всей силы, что во мне есть.

Он смеется и говорит:

— Совсем уже взрослая.

ТРИ СЕКУНДЫ ДО

— Я такая.

— С днем рождения, — говорит в микрофон Том, перетягивая все внимание на себя.

— Спасибо!

— У меня есть для тебя подарок.

— Ого! — вскрикиваю. — Что, правда?!

— Мне тоже интересно, — говорит отец.

— Он в гримерке. Пойдем покажу! — Том снимает с себя гитару и ставит на подставку. — Потом расскажешь папе... или не расскажешь, как считаешь нужным.

— Да что ты, Митчелл... — щурится отец, но в шутку.

— Пап, все, мы ушли, — говорю я, отрываясь от него, и тут же попадаю под руку Тома, — он не такой высокий, как мой отец, но все еще намного выше меня.

— Это кое-что, связанное со мной, и с тобой, и с нашим позапрошлым туром, — по-заговорщически шепчет он и ведет за сцену в гримерку.

— Я понятия не имею, о чем ты! — возбужденно говорю.

Том лукаво улыбается. У него итальянское происхождение, черные растрепанные волосы, зеленые глаза. Кожа сейчас совсем бледная (после целого года гастролей по всему свету), но обычно бронзовая, загорелая. Он лучший друг моего отца, и я знаю его всю свою жизнь, он — часть моей семьи.

— Я не успел упаковать, надеюсь, ничего страшного, — говорит он, когда мы заходим в комнату. Том берет свой портфель и достает из него какую-то стеклянную бутылку. Я не понимаю, всматриваюсь.

— Боже, это же...

— Да!

— Стой, неужели это то шампанское из Милана?

Том кивает, я забираю у него бутылку: блестящая фиолетовая обертка, нечитаемое название на итальян-

ском. Подарок переносит меня в прошлое на три года назад: мне пятнадцать, и я вместе с папой и «Нитл Граспер» в мировом туре, очень хочу попробовать шампанское в яркой фиолетовой упаковке. Я не нашла ничего умнее, чем попросить дядю Тома купить мне его. Он ведь такой крутой и, в отличие от моего отца, не откажет. На мое удивление, Том тогда действительно согласился. Потом мы вместе выпили его в нашей гостинце — точнее, выпил Том, а мне досталась лишь пара глотков. Оно было вкусное, хоть и стоило всего несколько евро. Сейчас же оно было по-настоящему бесценно.

— Ты не нашла его в Америке, — напоминает он.

— Да... я совсем забыла про тот случай.

— А я запомнил его на всю жизнь.

Я смеюсь и говорю:

— У меня совсем не было совести в пятнадцать.

— Да, ты была наглая и бесстрашная пятнадцатилетка.

Теперь мы смеемся уже вместе. Я обнимаю его и говорю:

— Это очень мило... Спасибо, Том. А давай выпьем его прямо сейчас?

— Давай! — Том забирает у меня бутылку обратно и открывает.

Пока мы пьем, болтаем. Он спрашивает у меня:

— Что папа подарил?

— Дал денег на новый телефон.

Том хихикает, передает мне шампанское. Я делаю глоток, и тут дверь в комнату открывается. По инерции я прячу бутылку за спину и быстро ставлю ее на пол.

— Папочка! — В гримерку вихрем влетает пятилетний Джоуи и кидается на Тома. Тот ловит его и поднимает над землей.